13. Kudrjashova R.I., Brysina E.V., Suprun V.I. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti kak istochnik informacii o zhizni kachestva // Strezhen': nauch. ezhegodnik. Vyp. 11 / pod red. M.M. Zagorul'ko. Volgograd: Izdatel', 2013. S. 196–200.

14. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. LARNG. SPb.: Nauka, 2004. (Proekt – SPb., 1994).

15. Mirtov A.V. Donskoj slovar': materialy k izucheniju leksiki donskih kazakov. Rostov n/D., 1929.

16. Orlov L.M. Russkie govory Volgogradskoj oblasti. Volgograd: VGPI, 1984.

17. Orlov L.M. Social'naja i funkcional'no-stilisticheskaja differenciacija v sovremennyh russkih territorial'nyh govorah (Opyt sociologo-lingvisticheskogo issledovanija na materiale donskih i volzhskih govorov): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 1970.

18. Slovar' russkih donskih govorov (SRDG): v 3 t. Rostov n/D., 1975–1976. 2-e izd. V 2 t. (ne okoncheno). T. 1. Rostov n/D., 1991.

19. Suprun V.I. Novoe izdanie o donskom dialekte: Rec. na kn.: Kudrjashova R.I. Donskie kazach'i govory Volgogradskoj oblasti: teksty i zadanija: ucheb.-metod. posobie. Volgograd: Izd-vo VGPU «Peremena», 2010. 120 s. // Izvestija Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser. : Filol. nauki. 2011. №5(59). S. 152–154.

20. Suprun V.I. Proizvedenie volgogradskih pisatelej kak istochnik dialektnogo materiala // V.I. Dal' i russkaja regional'naja leksikologija i leksikografija: materialy Vseros. konf. Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2001. S. 69–73.

21. Suprun V.I. Professor A.V. Mirtov kak predshestvennik R.I. Kudrjashovoj po izucheniju donskih govorov // Russkoe slovo. Vyp. 3: sb. nauch. tr. k jubileju dekana filol. fak. VGSPU prof. R.I. Kudrjashovoj. Volgograd: Izd-vo liceja № 8 «Olimpija», 2011. S. 88–108.

Contribution of Professor R.I. Kudryashova to research of Russian dialectology

The article deals with the contribution of Professor R.I. Kudryashova to research of Russian dialectology. The largest works are analyzed, the basic achievements of the Volgograd ethnolinguistic school headed by her are determined.

Key words: *lexical atlas, linguogeography, dialect, ethnolinguistics, Don dialects.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)

Л.Я. КОСТЮЧУК
(Псков)

СОХРАНЕНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА В ПОЗНАНИИ ЛИНГВОГЕОГРАФИЧЕСКИХ ДОСТИЖЕНИЙ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО (благодарная память о труде диалектологов)

Сообщается о необходимости учёта многих факторов при изучении народных говоров: лингвогеографических, этнолингвистических, синхронического, диахронического, сравнительно-исторического языкознания и др.

Ключевые слова: *лингвогеография, диалект, этнолингвистика, лексический атлас, берестяная грамота.*

В жизни, по-разному познавая и наблюдая язык как главное средство коммуникации в современных условиях цивилизованного общества, человек сталкивается с литературным языком нации; территориальными разновидностями национального языка – говорами (это «своё»); с родственным или совсем неродственным языком постоянных или временных «соседей» другой национальности (это «чужое»). Причём воспринимать и осознавать это можно по-разному: или неизбежно пользоваться как носитель соответствующей системы; или задумываться над какими-то языковыми средствами при выборе способа выражения, чтобы донести свои мысли до другого; или, будучи специалистом, собирать, исследовать языковые факты, тем самым сознательно участвовать в создании условий для сохранения языка. История духовно-материальной культуры, в частности языковой, даёт примеры того, что с последним носителем язык умирает и только редко может возродиться усилиями людей.

XX в. явился образцом значительных отечественных и зарубежных лексикогеографических достижений в области сохранения памяти о языках, создания условий для сбережения, обработки и возможности пользоваться сведениями о языке, вплоть до создания письменности для многих народов.

О некоторых результатах и о тех, кому мы обязаны этими достижениями, хочется сказать и на конференции, посвящённой благодарной памяти Риммы Ивановны Кудряшовой, очень

© Костючук Л.Я., 2016

много сделавшей для организации, сплочения коллектива соратников с благородной целью – изучить народную речь. Надо было собрать языковой материал, обработать его для последующей лексикографической фиксации, чтобы представить ценные материалы по донским казачьим говорам Волгоградской области. Так начиналась работа над «Словарём донских говоров Волгоградской области» [СДГВО]. И вот созданы и изданы тома словаря, а затем переиздан, дополнен, частично переработан однотомник «Большого донского словаря».

Безусловно, сделанное Риммой Ивановной – результат того, что она и её соавторы с уважением и признательностью воспринимали опыт, заветы первопроходцев в территориально разных (близких и далёких от Волгограда) научных точках.

Бесспорен успех Риммы Ивановны ещё в одном труде, близком по лингвогеографической сути, – в методике создания материала (приёмы сбора, обработки и представления). Это связано с «Лексическим атласом русских народных говоров» (ЛАРНГ) [10; 15]. Для Риммы Ивановны, как и для ряда участников работы над лексическим атласом, счастливым оказался опыт параллельного (но со своими особенностями и требованиями) сохранения драгоценных народных слов в виде представления итоговых карт атласа (лингвогеографический подход) и словарных статей (лексикография). Так сберегается народный региональный язык-речь вопреки объективным неизбежным помехам, вмешательству современной цивилизации.

Мы помним интересные обсуждения карт Риммы Ивановны и её коллег. Сейчас в коллективе под руководством Института лингвистических исследований РАН и Института славяноведения РАН уже подготовлен к печати том «Растительный мир» с двумястами разнообразными картами, среди которых вклад волгоградцев. Значит, «встретимся» в этом томе и с Риммой Ивановной. «Всё остаётся людям» как вклад в научное познание мира…

В нелёгкие годы конца 80-х гг. XX в. приоритетная тема «Лексический атлас русских народных говоров» объединила и сблизила на долгие годы огромный коллектив опытных и начинающих лингвогеографов из десятков учебных и научных учреждений нашей страны. Это стало возможным благодаря стойкости Игоря Александровича Попова, который добился разрешения на реализацию давнишней своей идеи создать такой атлас, и благодаря энергии и мастерству Татьяны Ивановны Вендиной, которая подхватила и не бросает руководство картографическим семинаром и по-настоящему научное редактирование каждой карты.

Т.И. Вендина, имея огромный, многодесятилетний опыт картографирования русского и славянского диалектного материала, зная традиции подготовки сложных томов «Общеславянского лингвистического атласа» [13, т. 6] и своеобразие нового для всех «Лексического атласа русских народных говоров», теперь, анализируя результаты этой работы, в специальной монографии «Русские диалекты в общеславянском аспекте» [2], в докладах на всероссийских совещаниях по «Лексическому атласу русских народных говоров», в статьях убедительно доносит результаты своих наблюдений и выводов по лексическому материалу отдельного тома или ряда томов «Общеславянского лингвистического атласа». А редактирование карт различного типа для «Лексического атласа» позволяет учёному корректировать некоторые выводы и показывает научную значимость этого труда для обнаружения своеобразия русских диалектных систем.

Важно, что появился уникальный новый материал, представленный в «Лексическом атласе…», поданный уже и по новым принципам создания карт, в зависимости от конкретного набора лексем по соответствующей теме карты, а иногда и с новыми целями. Всё это позволяет, научившись «читать» карты, обнаруживать многое в лексической системе и в отражении языковой картины мира диалектоносителей.

Стало очевидным, что, например, синхронное представление материала XX–XXI вв. на картах через систему значков легенды способно обнаружить не только пространственное, не только временное своеобразие лексических единиц языков при их сопоставлении (об этом идёт речь в монографии Т.И. Вендиной [2]), но и третью составляющую – структурную (автор об этом пишет в одной из последних статей сборника ИЛИ РАН «Лексический атлас русских народных говоров» 2014 г. – «Русское диалектное слово во времени и пространстве» [3]). Такие выводы порождают и новые повороты в работе над диалектным материалом.

Так обнаруживается, что колоссальный труд и лексикографов, и картографов приходит на помощь исследователям. Сохраня-

ется память о само́м слове в разных его ипостасях (семантика, словообразование, связанное с лексикой). Это отражает семантическую и морфологическую структуры, функционирование имеет отношение к показу фиксации слова в соответствующем пространстве, а за разными типами варьирования облика одного и того же слова, особенно фонетического облика (причём варианты нельзя путать с отдельными, разными словами (ср.: [20; 21])), иногда можно ощутить временну́ю перспективу. Поэтому важно при обнаружении диалектного слова в полевых условиях верно отразить, условно передать его звучание, хотя бы в упрощённой транскрипции, чтобы при необходимости достоверно использовать увиденное и услышанное в слове. В связи с этим и совершенствуется, например, «Инструкция…» для сложного «Псковского областного словаря с историческими данными» (ПОС): в добавление к двум опубликованным вариантам [9; 7] подготовлен и будет издан уже уточнённый третий вариант необходимой и научно обоснованной «Инструкции…». Итак, всё и все требуют и имеют право на память. И слова способны напомнить о себе необычно и решительно.

Приведём один пример. Нынешний сезон археологических раскопок в Великом Новгороде принёс слово на бересте, которое оказалось неизвестным ни нашедшим данную грамоту, ни местным жителям, которых, видимо, спрашивали об этом слове. Это лексема ***посак.*** Употреблена она была вместе с собственным именем ***Ортимии*** или ***Ортимия*** в контексте родительного падежа «***оув*** **[=** ***у*****]** ***ортимие***». По телефону был вопрос к псковичам-археологам, знакомо ли им это слово, поскольку в исторических словарях оно не обнаружено. Псковские археологи, в свою очередь, обратились к псковичам-лингвистам, которые сразу дали положительный ответ: ухо псковского диалектолога знает использование этого слова – прежде всего как название человека, склонного нарушать нормы поведения. Но эти нарушения «разной степени тяжести» (от серьёзного хулиганства до безобидных шалостей), поэтому в говорах и наблюдаются разновидности значений.

Необходимость навести справки, конечно, привела диалектолога прежде всего к тому́ опубликованному выпуску «Псковского областного словаря с историческими данными» [16, вып. 25], который завершает объём слов на буквенное сочетание *па*, где по алфавиту могло бы быть слово ***пасак.*** Но, так как слова нет в опубликованных 24-м, 25-м выпусках на ***па,*** отражающих соответствующий материал картотеки ПОС, хранящейся и в Псковском университете, и в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б.А. Ларина в СПбГУ, пришлось обратиться к части картотеки в Пскове на ***по***, которая ещё не опубликована (ведь в современных псковских говорах ударение падает на второй слог **[-*са́к*])**. И оказалось, что многочисленные карточки со словом находятся в алфавитном отрезке на ***по***; в рабочих орфографических написаниях с ***па*** и с ***по*** (слабая позиция в первом слоге).

Вспомнилось, что это было сделано ещё С.М. Глускиной по каким-то веским для неё доказательствам тогда, когда до буквы **П** было очень далеко. По какой-то причине не оказалось отсылки типа «***Паса́к*** см. ***поса́к*****».** Пришлось, прежде всего, заинтересоваться семантикой слова в тексте, чтобы получить более «документированное» понимание возможного ответа на вопрос новгородских археологов.

И вот что получилось на первое знакомство. ***Пасак*** – распространённое слово, зафиксированное, по данным псковской картотеки, в 16 из 24 районах, но особенно частотно в пограничных с Латвией; Пыталовском (Пыт.), Красногородском (Кр.) и близких к ним. Означает преимущественно (1) нарушителя порядка, хулигана: «***Пасаки́*** *у нас тут бро́дют круго́м. Што* ***паса́к,*** *што филюга́н, – анно́и то жы*». Пыт. «*Вот он мне сы́нъ-тъ и застрялии́л, э́тът* ***паса́к***». Гдовск. Подчёркивается отрицательная семантика в устойчивом словосочетании: «***Паса́к пасако́м*** *сабра́фшы –* ***з дурака́ дура́к*****».** Пыт.

В «Словаре русских народных говоров» слово ***поса́к*** в значении ‘вор, мошенник’ отмечено только одной информационной записью 1978 г. из нескольких фраз в Невельском районе [18, т. 30, с. 137]. Помета же «*твер.*[ское]» касается тех по существу псковских говоров, которые ранее входили то в Псковскую, то в Тверскую губернию. И в XIX в. И.И. Карпов, выпускник Псковской гимназии, отправил в Академию наук несколько тетрадей с записями псковских говоров [8], и его материалы, хранящиеся до сих пор в Архиве Академии наук, вошли в «Дополнение к “Опыту областного великорусского словаря”» [6], пополняя сведения о псковской речи, что отсутствовало в «Опыте областного великорусского словаря» [14].

Слово ***поса́ч*** в первом значении ‘босяк, оборванец’ без контекста обнаружено в олонецких говорах, а во втором значении ‘жулики, мошенники’ (с пометой «*мн.*[ожественное]») записано в 1946 г. с современной географической пометой «*калин.*[инское]», что и есть в прошлом то «*тверское*», что было у И.И. Карпова [19, т. 30, с. 138]. А третье значение у слова ***поса́ч*** с толкованием ‘ловкач’ характеризует говоры «Латв.[ийской] ССР» в 1963 г., т. е. как раз латгальские говоры, соседствующие с пограничным Пыталовским районом Псковской области [Там же].

Судя по употреблению в найденной берестяной грамоте, слово древнее (стратиграфические временные показатели при раскопках – первая половина XIV в., предположительно 1326–1350 гг., как склонны решать нашедшие грамоту). В современных псковских говорах оно имеет ряд и производных значений: например, (2) ‘озорник, сорванец’ (обычно о детях): «*Где ты был,* ***паса́к?*** *Цэ́лый день бе́гал*». Кр. «*Иш яви́лся,* ***как паса́к***». Пыт. (в сравнительном обороте); (3) ‘грубый человек’: *«Таки́х* ***пасако́ф*** *ня на́да».* Печёрск.; (4) ‘легкомысленный человек’: «*Фчара́сь Фёклинъ мъладиц пъкупа́лъ сваму́* ***пъсаку́*** *паштани́ки*». Кр.

Повороты семантической деривации при осмыслении неприятия негативных черт дают и значение (5) – просто констатация социального положения человека, например, в наименовании нищего, просящего милостыню: «*Он был* ***паса́к*** *– харо́шый*». Островск.

Выдвижение (6) семы ‘нанесение ущерба, неприятности другому’ обнаружилось в лексеме, называющей воробья: «*Ганя́й* ***пасако́ф*** *са ржы*». Новоржевск.; *«В скворе́чнике посели́лся* ***паса́к,*** *ско́ро скворе́ц прилети́т*». Псковск.

У В.И. Даля рассматриваемое слово не обнаружено. Составителям карт для «Лексического атласа русских народных говоров», с которыми удалось побеседовать, слово неизвестно.

В новгородских говорах, не очень далёких от псковских, судя по «Новгородскому областному словарю», ***паса́к*** фиксируется только в одном районе (Демянском) без единой иллюстрации, с толкованием ‘оборванец, пьяница’ [12, с. 792]. В «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» удалось обнаружить однокоренное псковскому слово ***паса́ч*** в значении ‘пьяница, алкоголик’ (с конечным звуком **[*ч*]**) только в одном районе (Тихвинском), с единственным употреблением: «*Нынче все мужики* ***пасачи́***» [18, т. 4, с. 401].

Обратив ещё раз внимание (1) на решение С.М. Глускиной перенести все примеры со словом ***паса́к*** на алфавитное место с ***по*** в картотеке ПОС; (2) на наибольшую употребительность слова в районах так называемого пограничья с Латвией (хотя лексема функционирует и в других псковских говорах); (3) на малую фиксацию слова в просмотренных словарях, мы понимаем, что слово это – одна из «визитных карточек» псковских говоров. И потому попытаемся предположить, чем было вызвано указанное С.М. Глускиной решение. Учтём, что С.М. Глускина – один из авторов «Псковского областного словаря с историческими данными», выдающийся историк языка и диалектолог, ученица Б.А. Ларина, сделавшая в середине XX в. фундаментальное открытие несвершения второй палатализации в псковских говорах [4] («эффект Глускиной», по словам А.А. Зализняка). Такие выводы С.М. Глускиной способствовали А.А. Зализняку в обосновании его убедительной теории древнего псковско-новгородского диалекта, хотя он позже независимо пришёл к такому же решению относительно второй палатализации, не зная о предшествующем открытии С.М. Глускиной.

Возможно, С.М. Глускина учитывала влияние соседних латгальских говоров Латвии (известно влияние балтийских и финно-угорских языков на псковские говоры: интересны многие древние фонетические процессы). В связи со словом ***па/оса́к*** можно учесть, что в балтийских языках русскому звуку **[*о*]** из индоевропейского ****ŏ*** соответствует звук **[*а*].** Начальный слог в разбираемом слове похож на приставку.

И тогда возникает вопрос о морфемном членении слова. Но какой корень? В латышском языке есть слово ***pasaka*** ‘сказка’ [11, с. 148] (членится ли оно?). Но есть латышские слова с корнем ***sak-,*** заключающим идею ‘начать’ [Там же, с. 172]: ***sākt*** ‘1. ‘начать, стать’; 2. ‘приняться за что-н.’ [Там же]; ***pasākt*** ‘предпринять’ [Там же, с. 146]. Но имеют ли они отношение к псковскому ***пасак?***

Вероятно, необходимо учитывать степень распространённости псковского слова в указанном ареале. Вспоминается, что когда начинающим работать с псковскими говорами многие слова были неизвестны, наша коллега Н.Д. Сидоренская, опытнейший и интересный специалист в области диалектологии и ис-

тории языка, уроженка пыталовских мест ещё в составе Латвии (были «под Латвией»), знающая и латышский язык, как раз давала интересные сведения об этом слове. Проблема же лингвокультурных связей пограничья сейчас особенно актуальна.

При получении значимого для историка и диалектолога презента – последнего тома «Новгородских грамот на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.)» стала известна и другая точка зрения – уважаемого А.А. Зализняка, высказавшего предположение об образовании слова ***поса́к*** из усечённой основы слова ***поса́д***, в котором присутствует сема, обнаруживаемая у слова «в его дурных коннотациях: место, где живут не по-крестьянски, бездельничают, пьянствуют, жульничают, воруют». Местное слово создано с помощью суффиксов ***-ак-***, ***-ач-***, которые часты при корнях с отрицательными значениями.

Оставляя сейчас детальное обсуждение разных версий появления (создания) слова, подчеркнём ещё раз: наиболее известно это слово именно на территории псковских говоров (большое количество разнообразных значений; известность слова в латгальских латышских говорах, пограничных с пыталовскими псковскими говорами). И в то же время у В.И. Даля это слово не отмечено, а у древних слов ***поса́д, поса́дский*** лексикограф не отмечает ни одного негативного значения в связи с называнием места жительства на посаде [5, т. III, с. 328–329, словарная статья «***посажа́ть***»]. Безусловно, придётся ещё вернуться к неожиданной загадке слова.

Данный пример был использован потому, что он навёл на выбор темы доклада и статьи в связи с конференцией как одно из доказательств необходимости учёта многих факторов при изучении народных говоров: лингвогеографических, этнолингвистических, синхронных и диахронных сравнительно-исторического и других [22]. И конечно, необходимо постоянно помнить о больших и малых достижениях предшественников в тех областях современной науки, которыми каждому из нас довелось заниматься.

Лингвогеография, особенно с успехами лексикографии и лингвокартографии в период филологии нашего времени, которую С.С. Аверинцев назвал «содружеством гуманитарных дисциплин» [1], является значимым направлением в помощь диалектологическим и историко-диалектологическим исследованиям.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Филология // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 544–545.
2. Вендина Т. И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М.: Ин-т славяноведения РАН, 2009.
3. Вендина Т. И. Русское диалектное слово во времени и пространстве // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2014. СПб.: Наука, 2014. С. 194–218.
4. Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Псковские говоры. II. Псков: ПГПИ, 1968. С. 20–43.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1956.
6. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». Спб., 1858.
7. Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15. СПб.: СПбГУ, 2004. С. 5–67.
8. Краткий сборник простонародных слов преимущественно Новоржевского, Опочецкого, Островского, Порховского и Псковского уездов Псковской и Осташковского Тверской губерний. Собрал окончивший курс Псковской губернской гимназии Ив. Ил. Карпов. Спб., 1855.
9. Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря. Л.: ЛГУ, 1961.
10. Лексический атлас русских народных говоров. Пробный выпуск. СПб.: Наука, 2004.
11. Латышско-русский словарь / сост. Я. В. Лоя. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1946.
12. Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010.
13. Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Сер. лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи / Ин-т рус. языка, Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. Т. И. Вендина. М.: ИРЯ РАН, 2007.
14. Опыт областного великорусского словаря. Спб., 1852.
15. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров / ред. И. А. Попов. СПб.: Наука, 1994. Ч. 1–2.
16. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–25. Л. / СПб.: ЛГУ / СПбГУ, 1967–2015.
17. Словарь донских говоров Волгоградской области. Вып. 1–6 / сост. Е.В. Брысина, Р.И. Кудряшова, В. И. Супрун; ред. Р.И. Кудряшова. Волгоград: ВГИПК РО, 2006–2009.
18. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–5. СПб.: СПбГУ, 1994–1999.

19. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–47. М.; Л. /СПб.: Наука, 1965–2014.

20. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «отдельности слова») // Вопросы истории и теории языка. М., 1952. С. 182–204.

21. Смирницкий А. И. К вопросу о слове (Проблема «тождества слова») // Труды Института языкознания АН СССР. М.: АНСССР, 1954. Т. 4. С. 3–49.

22. Толстой Н. И. Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований // Толстой Н. И. Избранные труды. Т. I. Славянская лексикология и семасиология. М.: Яз. рус. культуры, 1997. С. 223–242.

23. Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. XIII. М.: Яз. слав. культуры, 2015.

* * *

1. Averincev S. S. Filologija // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. M.: Sov. jencikl., 1990. S. 544–545.

2. Vendina T. I. Russkie dialekty v obshheslavjanskom kontekste (leksika). M.: In-t slavjanovedenija RAN, 2009.

3. Vendina T. I. Russkoe dialektnoe slovo vo vremeni i prostranstve // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovanija) 2014. SPb.: Nauka, 2014. S. 194–218.

4. Gluskina S. M. O vtoroj palatalizacii zadnejazychnyh soglasnyh v russkom jazyke (na materiale severo-zapadnyh govorov) // Pskovskie govory. II. Pskov: PGPI, 1968. S. 20–43.

5. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka. T. I–IV. M., 1956.

6. Dopolnenie k «Opytu oblastnogo velikorusskogo slovarja». Spb., 1858.

7. Instrukcija «Pskovskogo oblastnogo slovarja s istoricheskimi dannymi» (2-ja redakcija) // Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. 15. SPb.: SPbGU, 2004. S. 5–67.

8. Kratkij sbornik prostonarodnyh slov preimushhestvenno Novorzhevskogo, Opocheckogo, Ostrovskogo, Porhovskogo i Pskovskogo uezdov Pskovskoj i Ostashkovskogo Tverskoj gubernij. Sobral okonchivshij kurs Pskovskoj gubernskoj gimnazii Iv. Il. Karpov. Spb., 1855.

9. Larin B. A. Instrukcija Pskovskogo oblastnogo slovarja. L.: LGU, 1961.

10. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. Probnyj vypusk. SPb.: Nauka, 2004.

11. Latyshsko-russkij slovar' / sost. Ja. V. Loja. M.: Gos. izd-vo inostr. i nac. slovarej, 1946.

12. Novgorodskij oblastnoj slovar'. SPb.: Nauka, 2010.

13. Obshheslavjanskij lingvisticheskij atlas (OLA). Ser. leksiko-slovoobrazovatel'naja. Vyp. 6. Domashnee hozjajstvo i prigotovlenie pishhi / In-t rus. jazyka, In-t slavjanovedenija RAN; otv. red. T. I. Vendina. M.: IRJa RAN, 2007.

14. Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarja. Spb., 1852.

15. Programma sobiranija svedenij dlja Leksicheskogo atlasa russkih narodnyh govorov / red. I. A. Popov. SPb.: Nauka, 1994. Ch. 1–2.

16. Pskovskij oblastnoj slovar' s istoricheskimi dannymi. Vyp. 1–25. L. / SPb.: LGU/ SPbGU, 1967–2015.

17. Slovar' donskih govorov Volgogradskoj oblasti. Vyp. 1–6 / sost. E.V. Brysina, R.I. Kudrjashova, V. I. Suprun; red. R.I. Kudrjashova. Volgograd: VGIPK RO, 2006–2009.

18. Slovar' russkih govorov Karelii i sopredel'nyh oblastej. T. 1–5. SPb.: SPbGU, 1994–1999.

19. Slovar' russkih narodnyh govorov. Vyp. 1–47. M.; L. /SPb.: Nauka, 1965–2014.

20. Smirnickij A. I. K voprosu o slove (Problema «otdel'nosti slova») // Voprosy istorii i teorii jazyka. M., 1952. S. 182–204.

21. Smirnickij A. I. K voprosu o slove (Problema «tozhdestva slova») // Trudy Instituta jazykoznanija AN SSSR. M.: ANSSSR, 1954. T. 4. S. 3–49.

22. Tolstoj N. I. Nekotorye voprosy sootnoshenija lingvo- i jetnogeograficheskih issledovanij // Tolstoj N. I. Izbrannye trudy. T. I. Slavjanskaja leksikologija i semasiologija. M.: Jaz. rus. kul'tury, 1997. S. 223–242.

23. Janin V. L., Zaliznjak A. A., Gippius A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.). T. XIII. M.: Jaz. slav. kul'tury, 2015.

Preserving the native language in comprehension of linguogeographic achievements of the past and the present (grateful memory of the work of dialectologists)

The article proves the necessity to take into consideration many factors in research of folk dialects: linguogeographic, ethnolinguistic, synchronic, diachronic, comparative and historical linguistics etc.

Key words: *Lexical atlas, linguogeography, dialect, ethnolinguistics, birch bark manuscript.*

(Статья поступила в редакцию 19.10.2016)